

Чаба Варга¹

ГЛОБАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ, СИСТЕМНЫЕ ВЫЗОВЫ Изменения в профилях права?

Закон является объективным и точным в той мере, в какой он имеет ясный и определенный понятийный аппарат как неперемное условие. При этом закон в своем действии не может рассматриваться в отрыве от человеческого компонента и социальной сущности человека². Поэтому, будучи совокупностью абстрактных концептуальных категорий, закон отражает межсубъектные отношения и трактует их как универсальные социальные отношения, переходящие в правовые. Это служит внутренним оправданием безусловного исполнения/применения закона и его квази-логических последствий. Таким образом, общественный порядок опосредован пра-

вовым порядком, выступающим в роли решающего и высшего фактора социальной интеграции.

Вопрос, который необходимо здесь решить, в общем смысле — это совокупность интересов человека, а также возникающие между ними противоречия и конфликты. Карл Маркс и Карл Шмитт описывали, каким образом частные интересы человека исторически становились всеобщими; а также каким образом древние и более современные законы получили легитимность благодаря утверждению их божественного происхождения или ссылке на естественное право; в частности, в наше время, они возникли/были выведены из прав человека. Несмотря на действия других людей или идеологическое вмешательство извне, наш интеллектуальный мир принадлежит только нам: мы уютно устроились и акклиматизировались в нем. Он всегда воспринимается и познается через постулаты, опосредованные социализацией и образованием³. Система таких постулатов сформирована нашими представлениями о норме и законности и закреплена универсальны-

¹ Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманы (Будапешт), доктор. Приглашенный профессор многих зарубежных учебных заведений (США, Австралия, Италия, Германия, Япония, Россия и др.). Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч.: «Кодификация как социально-историческое явление», «Загадка права и правового мышления», «Порядок из хаоса? Философия создания и применения европейского права» и др. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994). Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения.

² *Varga C.* Загадка права и правового мышления: избр. произведения / ред. М. В. Антонова. СПб.: Алф-Пресс, 2015.

³ *Varga Cs.* The Paradigms of Legal Thinking [1996/1999]. 2nd ed. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris] & <http://mek.oszk.hu/14600/14657/>

ми моральными принципами, воспринимаемыми как естественное условие человеческого существования.

Глобализация — политически обусловленный процесс, получивший новые возможности благодаря современной научно-технической революции. Не будем здесь рассуждать о возможных последствиях глобализации для будущего мировой экономики и мирового сообщества. Однако можно считать само собой разумеющимся, что концептуальная система современного права, сформированная общепризнанными принципами и представляющая собой идеально отлаженную систему, будет полностью или частично разрушена. Последствия предсказать невозможно.

Вызовы, требующие немедленного ответа

Технологическое развитие непрерывно ставит перед нами проблемы, требующие мгновенного решения. Целый ряд новых факторов: био- и нано-технологии, физические и химические открытия на макро- и микроуровне, в различных отраслях — от вооружения до фармакологии и, что не менее важно, социальный взрыв, который может произойти в результате новых достижений информационных технологий, могут стать источником новых угроз. Это неизбежно приводит к необходимости глобального регулирования. Например, что делать с космическим и атомным мусором или с технологиями, способствующими неконтролируемому распространению информации?

Соответственно возникает необходимость пересмотреть основополагающие ценности и принципы, их соотношение и определить возможность нового приемлемого баланса между ними, но нельзя ожидать, что новое прогнозирование будет более надежным. В самом деле, как реагировать, если в результате изобретения простых в использовании средств можно манипулировать, программировать и изменять личность? Если аборт можно проводить с помощью органической регрессии (или даже заменять ею)? Если будет разработано скрытое оружие с долговременным или очень отдаленным эффектом? Если один человек может развязать масштабную химическую, радиоактивную или кибер-войну, при этом не будет реальной возможности определить зачинщика?¹ Если генетически или иным образом заданное время жизни человеческих групп можно уменьшать или изменять по желанию без следов, не оставляя улик? Или если вообще невозможно регулировать авторское право, поскольку технологические инновации сами по себе исключают возможность контроля?

¹ Подробнее о казни британскими ВВС в Гибралтаре трех агентов Ирландской республиканской армии, состоящих на действующей службе, 6 марта 1988 г. см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Operation_Flavius & http://en.wikipedia.org/wiki/Death_on_the_Rock

Текст жалобы, отклоненной Европейским судом по правам человека, по делу «McCann and Others v United Kingdom» Ser. A, № 324, Application № 18984/91(1995) см.: <http://www.leeds.ac.uk/law/hamlyn/gibraltar.htm>

О практически не выявляемом преступлении, в результате которого произойдет сбой основных рабочих систем, см.: <http://en.wikipedia.org/wiki/Cyberwarfare> and Johann-Christoph Woltgag Cyber Warfare Military Cross-border Computer Network Operations under International Law (Mortsel: Intersentia 2014) XVIII + 314 p. [International Law 14].

Как известно, раньше технологиям отводилась вспомогательная и, следовательно, совершенно нейтральная функция. Однако уроки, которые мы извлекли из жестоких событий XX века, проводят отчетливую параллель между такими технологическими достижениями, как, например, производство крупногабаритных землеройных бульдозеров, с одной стороны, и геноцидов, совершенных почти в мировом масштабе, — с другой. Стало очевидно, что глубоко укорененная склонность людей убивать своих собратьев по политическим мотивам могла быть реализована, только когда были изобретены бульдозерные машины. Ведь теперь стало возможно подцепить тела ковшом, перенести в другое место, по желанию, и тайно захоронить их, закопав в земле или сбросив в воду. Возможно, не случайно взгляды на философию истории, например Освальда Шпенглера, изложенные в «Закате Западного мира», давно связаны с идеей технологического саморазвития, когда технологическое развитие становится самоцелью и служит предпосылкой смерти последующих цивилизаций.

Кому же решать технологически актуальные вопросы? Поскольку в ходе своего развития правовой позитивизм превратился в правовой социопозитивизм (что повлекло за собой трансформацию судебного процесса в многоактный межкультурный и многокритериальный дискурс)², решение, безусловно, должно быть принято или, по крайней мере, подготовлено экспертными группами. Со стороны юристов помощь в решении проблемы должна заключаться в определении направления, формулировке и проверке внутренней логической упорядоченности. При условии, что за этим не последует по-американски преувеличенное выпячивание юридической стороны вопроса или привлечение многочисленных законников с целью получения монопольного контроля и заключения социального процесса в рамки юриспруденции американского типа.

Новые аспекты права

По причине продолжающейся технологической революции юриспруденция может получить новые направления развития только в том случае, если она будет присутствовать в различных областях жизни, получит качественно более высокий уровень упорядоченности («буква закона») и (или) больший акцент на результат («дух закона»). При этом необходима методика увеличения объема и глубины влияния закона, разработанная как основная цель или полученная в качестве побочного продукта.

Как в ранние времена утверждался закон и распространялись юридические знания?³ Кодекс Хаммурапи был высечен в камне. Законы двенадцати таблиц цитировались учениками, даже сам Цицерон в детстве заучивал их. Текст Великой хартии вольностей вывешивался на церковных воротах раз в год. Французские

² См.: Varga Cs. Comparative Legal Cultures On Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest : Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae Iuris] & <http://mek.oszk.hu/15300/15386>. P. 124.

³ См.: Varga Cs. Codification as a Socio-historical Phenomenon [1979/1991]. 2nd ed. Budapest : Szent István Társulat, 2011. VIII + 431 p. & <http://mek.oszk.hu/14200/14231/>

наказы третьего сословия до революции продавались за гроши на рынках. Все имперские законы были занесены в картотеку Всесоюзным институтом советского законодательства с тем, чтобы авторитетно установить, какие законы и в какой формулировке действовали. Закончу перечисление австрийским электронным правительством, которое дает компьютеризированный и, следовательно, автоматический ответ. А как насчет согласованности законов в будущем? Каковы будут новые средства для внесения поправок в законы и внедрения правовых изменений во всем мире? В какой форме и какими средствами закон, как высшая нормативная сила, будет управлять обществом? Как это произойдет, если мы закроем канал, транслирующий мораль, традиции и здравый смысл?

Как известно, жестокости войны и пробуждающаяся реакция на нее — совесть — со временем породили так называемое международное гуманитарное право. В отличие от того, как человеческое поведение рассматривается, например, в уголовном праве, здесь юридический случай представляет собой не конкретные факты, а намерение и прогнозирование во время тактического планирования и командования военными операциями, которым впоследствии дается правовая оценка.

Какую роль вообще призван играть закон? Еще во времена коммунистической диктатуры социологи права Венгрии заявляли, что эффективная — оптимальная — работа закона есть всего лишь повторение действующих социальных процессов с помощью специальных средств и полномочий закона. То есть окончательное, символическое, абсолютное отражение. Хотя закон в основном или, во всяком случае, очень часто исполняет уродливую и отвратительную роль «мальчика на побегушках»: действует как демиург, заменяет все прочие способы социальных реформ, что, по сути, является политическим волюнтаризмом¹. Принятие законов вместо реальных социальных реформ — это фиктивные меры. Иначе говоря, они обречены на провал и, кроме того, подрывают престиж закона, по крайней мере в долгосрочной перспективе.

В какой нормативной среде призван работать закон и каковы будут его результаты? В течение тысячелетий в единой социальной среде закон скреплял общество и превращал его в: а) единый этос; б) основное средство накопления и постепенного узаконивания общественного опыта бытия и в) последний оплот нравственности. Осуществлению последней функции также способствовала г) профессиональная юридическая деонтология, классически именуемая правовым мировоззрением. Как известно, все это было опровергнуто западным миром впоследствии, после 1968 года, когда сама идея социального нормотворчества была отринута под эгидой либерального индивидуализма. Только закон оставался в роли примирителя противников в условиях социального распыления, когда преобладало нейтральное отношение к правонарушителям и правоохранителям, как если бы они были просто соперничающими командами в спортивном соревновании.

¹ См.: *Varga Cs. Law and Philosophy: Selected Papers in Legal Theory // Comparative Legal Cultures*. Budapest, 1994. XI + 530 p. [Philosophiae Iuris] & <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> P. 43–76.

Изменения в законодательстве

Очевидно, что принципиальные изменения в том, как люди становятся обществом, а также в технологии/культуре, влияющей на поведение людей, могут вызвать и фундаментальные изменения в законодательстве.

В будущем владение информационными технологиями, которые обрабатывают и систематизируют все многообразие мнений миллионов людей и могут напрямую призывать массы к тем или иным действиям, позволит гражданскому обществу заменить государственный аппарат и взять власть над политической организацией общества. В настоящее время, как показали, в частности, американские социологические исследования, случайно выбранное гражданское мнение имеет больший вес и считается более разумным, обоснованным, восприимчивым и ответственным по сравнению с так называемым экспертным мнением. И хотя данные, полученные случайным образом, неточны и, вообще говоря, расплывчаты и приблизительны, с точки зрения статистической вероятности их влияние, безусловно, предсказуемо.

Едва ли можно представить себе, какие технологии воздействия на поведение людей будут использованы в будущем. Но, пожалуй, достаточно будет вспомнить уровень влияния средств массовой информации, этого феномена XX века, на социальные изменения, вспомнить, насколько широко применялись манипуляции массами в диктаторских и демократических режимах XX и XXI веков. То же относится и к социальным нормам. Ведь даже современные люди шокированы такими явлениями, как трансплантация органов и биотехника. Потенциальная возможность возникновения общественной опасности в результате легкой доступности технологических средств сама по себе является вызовом классическим свободам, которые и так уже сильно ограничены антитеррористическими мерами.

Обладая таким свойством, как точность, право стремится сохранить свою системность и развивается главным образом за счет сокращения или усиления регламентации сфер его применения, которые также расширяются или сужаются (по аналогии). Все, что входит в понятие «право», может видоизмениться, если научно-техническая революция сделает возможными органические репродуктивные процессы, распространение информации в электронном пространстве или создание виртуальной реальности (здесь я имею в виду искусственно созданные обстоятельства, уже действующие в области финансов, экономической организации, юридической власти и т. д.) вплоть до уничтожения жизни на Земле — в пределах, определяемых общей структурой и абстрактной концептуальностью закона².

Изменение парадигмы понимания социального порядка

В современном мире произошла смена парадигм в самом понимании природы социальности, способа

² Юридический аппарат позволяет вывести произвольные ответы и взаимно противоречивые заключения из одной и той же формулировки, если найти достаточно мотивированные юридические аргументы, основанные на глубинном смысле закона. См.: *Варга Ч.* Право, юридический процесс и судейское сознание // *Российский юридический журнал*. 2011. № 4. С. 14–24.

действия и последующей реакции в социальном правовом пространстве. До середины XIX века физическое мировоззрение (некогда сформированное Николаем Коперником и Исааком Ньютоном) было адаптировано и к социальному миру: в сменяющихся друг друга процессах мы искали причины и следствия (и в целях анализа стремились максимально их изолировать). Однако на рубеже XIX–XX веков исследование отдельных факторов (причин/усилий/последствий) в этих цепочках (квази)причинности было изменено термодинамикой и науками об элементарных частицах. Новый взгляд основывался на изучении усредненных явлений, статистических величин и вероятностей. Это привело к представлению о полужамкнутых-полуоткрытых системах, примером которых являются так называемые автопоэзисные процессы, где закономерности (или законы) любой действующей операции определяются самим процессом, то есть индивидуально для каждого случая. Соответственно идея «порядка из хаоса», ранее немислимая по научным и богословским законам, приобрела новый смысл для микрофизики и, постепенно, для антропологии, социологии и правопедения¹. Более того, рассматривая право не как единственное «окончательное состояние» (*definitivum*), а как один из ряда факторов, эта идея стала определяющим рабочим принципом, проникшим даже в действия Евросоюза: союз и национальные государства, то есть общеевропейские и национальные законы оспаривают/противоречат друг другу. В конечном счете из кажущегося разнообразия (близкого к абсолютной анархии при анализе на микроуровне) следует беспрецедентный вывод — высокая степень правопорядка (на макроуровне)².

Соответственно классический юридический позитивизм, ориентированный на отдельные акты и присущую им телеологию, отвечает за классическое физическое мировоззрение, в то время как «порядок из хаоса» со своей концепцией порядка, охватывающей все вокруг — от микромира до вселенной, соответствует позиции современной антропологии, социологии и международной юридической науки. В неокантианстве методологическая чистота была непременным условием. Теперь в правовом режиме Европейского Союза государства-участники продолжают следовать старой парадигме, хотя их взаимодействие друг с другом и с законодательством Европейского Союза явно проявляет черты новой парадигмы³.

Не случайно на XX Международном симпозиуме по правовому информированию в Зальцбурге дей-

ствует постоянный раздел, посвященный научной фантастике и утопии. Ибо со времен романа «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли (1931) мир, возможно, и изменился, но представления о прошлом в «Слепящей тьме» Артура Кестлера (1940), а также тоталитаризм, описанный в «Скотном дворе» Джорджа Оруэлла (1945), и в подметки не годятся скрытым действиям современной исторической реальности.

Закон, как правило, консервативен, но в пределах внутренней системы новые методы и противоречивые результаты допускают, требуют, а иногда прямо призывают к развороту на 180 градусов в судебном толковании и трактовке. В соответствии с этим возможные обновления закона в основном вытекают из нашего понимания предпосылки социального/общественного существования. Это означает, что наше нынешнее намерение сохранить свободу выбора как для государств, так и для отдельных лиц, обязательно будет уравновешено (а может, и подавлено) более важной ценностью — безопасностью существования общества в новых условиях. Возможно, теперь мы будем вспоминать о многовековой борьбе за свободу с ностальгией как о потерянном втором «золотом веке».

В современных выступлениях с трибун такие умные слова, как «естественное право», «конституционность», «права человека» и «верховенство права», широко пропагандируются и утверждаются как самые высокие цели, хотя ни одно из этих понятий не может быть исключено из основного онтологического правила. Ибо они имеют значение только в контексте правовых ценностей в сфере закона. Следовательно, их истинное значение зависит от того, какие фундаментальные ценности они опосредуют. А иначе в грядущую эпоху научно-технической революции они могут измениться кардинально, до неузнаваемости⁴.

Подводя итог, следует сказать, что несколько десятилетий назад будущее можно было предсказать посредством экстраполяции тогдашних тенденций. В то время будущее еще можно было вывести из действующих течений, из смещений в акцентах. Что касается нынешнего времени, то развитие будущих событий нельзя предсказать достоверно, несмотря на то что весь милитаристский XX век продолжался мировой кризис. Будущее зависит от действий, которые еще только предстоит осуществить. Единственное, что можно сделать в качестве предсказания будущего, — просто перечислить ряд альтернатив.

¹ См.: *Varga Cs. The Paradigms of Legal Thinking.*

² *Varga Cs. Порядок из хаоса? Философия создания и применения европейского права // Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: к 60-летию Андрея Васильевича Полякова / ред. М. В. Антонов, И. Л. Честнов. СПб.: АЛЕФ Пресс, 2014. Т. 2. С. 54–77; Правоведение. 2014. № 6. С. 218–235.*

³ Или международное агентство выдает правовую информацию, на которую отвечает какое-либо национальное агентство, затем в спор вступает иное национальное или международное агентство государственного уровня, призывая к повторному рассмотрению на национальном/международном уровне, на что ответит второе информационное агентство. Это выглядит как бесконечная игра.

⁴ *Varga Cs. Theory of Law Norm, Logic, System, Doctrine & Technique in Legal Processes, with Appendix on European Law. Budapest: Szent István Társulat, 2012. [Philosophiae iuris] & http://mek.oszk.hu/15400/15409. P. 189–201.*